

Олег сидел в УАЗике сзади и от грохота не слышал разговора Леры с водителем. Сквозной скелет джипа трясло и швыряло по камням, Лера удивлялась, почему никто здесь не выйдет на субботник и не раскидает по сторонам хотя бы небольшие, до полуметра в диаметре валуны. Нет же, прямо по ним и прутся!

Зато красивый японский внедорожник вернулся, не проехав и километра, с огорчённым юным водителем и его девочкой. Местный проводник остановил его и назидательно выговорил:

– Ты сюда не езд! Здесь только такая машина, как у меня, пройдёт! Не создавай проблемы сам себе и своим родителям! Потом будешь плакать – «у меня трансмиссия полетела...».

Парень глядел перед собой очень сердито, на лице его было написано – вы же нарочно не хотите ремонтировать эти несчастные девять километров дороги – чтобы туристы платили только вам, чтобы никто не мог своей машиной доехать до Ледниковой фермы!

Обаятельный круглолицый Таубек, вызвавшийся отвезти Олега и Леру на заветный двухтысячник, с которого начинаются пешие маршруты и к водопадам, и к озёрам, и опасный, закрытый летом маршрут на ледник, – конечно, не был виноват в этих порядках. Он только соблюдал договорённости, не уступал туристам ни в расценках, ни в условиях – иначе братья откажутся с ним работать, и что тогда? Другой работы в селе нет, не в официанты же ему идти, избави Аллах.

Дорого они берут с туристов, конечно. Домбай выходит дешевле Архыза, хотя по красотам не уступает. Разве что телескопа там нет... Да, на телескопе местные парни хорошо научились зарабатывать. Все приезжие хотят обязательно его осмотреть с умным видом. Для этого были придуманы и согласованы с учёными две экскурсии – одна дневная, другая ночная. Ребята-астрономы стали было резонно возражать, что они бы и за один раз всё людям показали – пусть приезжают на закате, сначала телескоп осмотрят, а потом уж и звёзды, как стемнеет. Но местная архызская община настояла на двух отдельных экскурсиях – тогда туристам придётся в два раза чаще подниматься на гору к телескопу и с неё же спускаться. И для этого экскурсионное бюро заключило договор с таксистами, и как ни возмущаются интеллигентные приезжие любители звёздного неба, выхода нет: экскурсия стоит шестьсот рублей, а подъём-спуск – четыре-пять тысяч, не менее. А раньше, при коммунистах, говорят, людей туда возил простой рейсовый ПАЗик за пять копеек.

– Ну и дорога... – прервала Лера его размышления после очередного прыжка через валун.

– А раньше, при коммунистах, тут хорошая дорога была! – сказал Таубек, явно никогда не живший «при коммунистах». Та жизнь, похоже, уже становится местной легендой...

Лера много раз слышала это «при коммунистах» – в Адыгее, например, говорят так же. И чаще всего в горах вспоминают именно хорошие советские дороги. Хотя, казалось бы, с тех пор асфальтовые заводы стали куда лучше – немецкие, закупленные, что стоит заасфальтировать эти девять километров – на великолепном скальном основании?

– Ведь та поляна не зря называется «Ледниковая ферма», – продолжал рассказывать Таубек – там раньше и правда ферма была, коровники.

– Тут и сейчас полно коров – огляделась Лера.

– Да, их по-прежнему тут выпасают, со всего Архыза стадо гонят на луга.

На альпийские луга, да... (Точнее, здесь они субальпийские). Тучные, довольные, разноцветные, как на картинке, коровы, радостно жующие невероятной красоты цветочки, которые растут только здесь и более нигде в мире...

Лера видела вчера, как всадник-пастух сгонял стадо, возвращавшееся в Архыз – абсолютно кинематографичный серьёзный молодой джипит на стройном чёрном коне – крепче арабского, местной

какой-то породы, но длинноногий и горделивый скакун... В посёлке очень много лошадей, по вечерам местная молодёжь совмещает приятное с полезным, и парни, и девушки разбегаются на конях, а цугом за собой ведут ещё по четыре-пять, жеребята рядом бегут, смех, веселье, но о деле не забывают, выводят коней в ночное...

И табуны диких лошадей здесь тоже не редкость.

На поляне Таулу на берегу Псыша сегодня с утра договариваться с проводниками на полноприводных УАЗиках направился Олег. Лера отошла в сторону – в мусульманской республике деловые вопросы решают мужчины. В её представлении. По этой же причине она не носила здесь ни шорты, ни бриджи, ни слишком открытые майки.

Бородатые хозяева поляны сразу предложили Олегу стандартный вариант:

– Мы вас отвозим на Ледниковую ферму, вы там гуляете по водопадам три часа, и мы едем обратно.

Всё это стоит пять тысяч.

– Почему же всего три часа? Мы на целый день рассчитывали, дотемна погулять, – удивился Олег.

– Я вас уверяю, вы там всё осмотрите уже за два часа, там целый день нечего делать – настаивал бородач. Олег не согласился, они читали о Софийских водопадах, их девять. Что значит «нечего делать»? В таком месте жизнь прожить можно...

– Тогда я могу вас туда отвезти, а обратно с другим кем-нибудь договоритесь.

– И за сколько вы нас отвезёте только туда?

– За четыре, – не моргнув глазом, ответил старший. Олег попытался поторговаться – ему объяснили, что не имеют права уступать, такая цена здесь у всех.

Народу в этот день на поляне было мало – дождь в прогнозе. Олег с Лерой – бывалые туристы, они знают, как сильно в горах погода отличается от прогнозов, и практически всегда – в лучшую сторону. К тому же они уже много незабываемых маршрутов прошли в невесомых дождевиках – у природы нет плохой погоды.

А вот попутчиков на водопады на поляне не нашлось. Поехали вдвоём, Лера села вперёд рядом с водителем – для лучшего обзора. Машина была открыта полностью, стёкол нет ни впереди, ни сбоку, верх брезентовый тоже отсутствовал. Ехали по еловому лесу с внезапно открывающимися полянами, а на них – невероятные архызские цветы. Иногда встречались заболоченные луга, а на дороге между ними – огромные лужи, – тут Таубек весело газовал, и они поднимали целые ворохи брызг, сияющих на незлом архызском солнышке. Незлом – в сравнении с Приэльбрусьем. Вот там в горах от солнца мгновенно волдыри на руках и на щеках, Лера там в балаклаве гуляла... А здесь просто идеальное сочетание для туристов-однодневок, как они с Олегом – совсем недалеко от дома есть и ледник, и водопады, и альпийские луга, и снежные вершины... А к вечеру возвращаешься в цивилизацию.

– А что за тем перевалом? – прокричала Таубеку Лера (мотор ревел на подъёме), увидев в ровной горделивой зелёной гряде уютную выемку, значительно меньшей высоты, а значит – проходимую...

– Там другие горы... – философски ответил Таубек, а потом встрепенулся, вспомнив:

– Кстати, а у вас хватит времени пройти по хребту до этой смотровой площадки, а потом спуститесь на водопадную тропу. Во-о-он, видите, куда люди пошли? И вам вот по этой тропе надо подняться. Я в детстве ходил там несколько раз, а сейчас, правда, давно уже не был – не тянет почему-то. Но там очень красиво!

«Ага, вам там три часа за глаза хватит» – вспомнила Лера слова бородача, но – промолчала.

На поляне стояло несколько джипов, деревянный туалет с двумя голубыми кувшинами воды рядом на лавочке – восточная традиция! – и несколько человек уходили мимо кафе с хычынами по тропе к ревущему в сотне-другой метров первому из водопадов.

– Нам не туда, – остановила Лера Олега, потягиваясь и вдыхая настоявшийся запах пихты, сосны и удивительных горных берёзок, и передала ему весь разговор с Таубеком, показав рукой на солнечный ярко-зелёный перевал.

Они пошли по тропе, карту доставать пока не было необходимости.

В какой-то большой воронке вдоль дороги – карьерчик там был когда-то, что ли? – паслись козы. И опаловые, и чёрные, и молочного цвета. Они все как по команде сбились в группу на камнях и повернули головы к Лерину фотоаппарату. Просто идеальный кадр получился, с козами всегда так, они очень хорошо позируют – правда, со страху. Лера с Олегом скорее ушли прочь, чтобы их не пугать больше. Перепрыгнули невинный ручеёк – вытекающий из того самого грохочущего водопада.

Их тропа уводила пока прочь от водопадов, на склон с другой стороны долины. Вдали по дороге двигались фигурки, но среди трав намечалась хорошая тропка по хорде – и они, конечно же, пошли по ней. Лера не переставая снимала и всю долину, и каждый альпийский цветик в отдельности, – всё время попадались новые, невиданные пока...

Скоро, впрочем, стало понятно, почему нормальные люди пошли по дороге, а не по этой козьей или овечьей тропинке – она всё сужалась, и вот уже встречные татарники больно хлещут по ногам – а Олег в шортах! Крапива жётся даже через штаны, да и борщевиков многовато рядом, а они же ядовиты! Лера решительно свернула прямо в траву и стала пробираться к дороге.

И как-то вместе с ожогом крапивы на руке, с внезапной, как всегда, болью в коленке от резкого поворота – вернулось с набежавшей тучкой и это, затинившееся, обидное и болочее... Лера взглянула на безмятежно шагающего впереди Олега. Теперь ей казалось, что его милый затылок что-то скрывает... О чём думает её муж, глядя на эти луга и горы? О ком думает?

Нет, ей не хотелось об этом его спрашивать – ведь понятно же, что он будет говорить, – то же самое, что говорил уже два десятка раз... Но ей в минуты подобных приходов кажется, что не обо всём ещё спрошено, что остались какие-то невыявленные лазейки для предательства, захлестнувшего её тогда, аж восемь лет назад... Хотя он и тогда всё отрицал. Он всегда умел её убедить, уговорить. Но... случай за случаем, оговорка за проговоркой – она видела, не могла же она притвориться слепой, – что-то происходит за её спиной, а то и прямо перед её лицом. Та девочка, которой она всегда восхищалась – ведёт себя так, будто её, Леры, нет. Будто их с Олегом – нет. Будто есть что-то, связывающее Олега и эту девочку, привязавшее его к ней навечно – хотя на самом деле это с ними было ещё до её, Лериного, появления, а потом прошло, и Олег рассказал об этом Лере в первые же их дни, тринадцать лет назад.

– Но почему она себя так ведёт? Почему чувствует за собой это право? Наверное, ты каким-то образом её поощряешь? – в десятый раз после десятого рецидива спрашивает Лера Олега.

– Да не нужна она мне! – так всегда начинает Олег свою партию в этих ставших уже привычными перепалках. Ну да, он просто вежлив, и галантен, и веделерчив. И её бы это не волновало, ей нужна только непоколебимая уверенность, что этим «просто» всё и ограничивается.

А потом эта девочка размещает в соцсети некое рассуждение в духе – я же знаю, ты думаешь обо мне, ты слышишь мой голос, но ты не плачь, это всё скоро пройдёт – не называя имён. Девочку все жалеют, такие же девочки и мальчики готовы для неё свернуть горы – а более взрослой Лере остаётся только чувствовать себя преступницей и разлучницей, потому что она знает доподлинно, по ком этот плач. А Олега ещё и угораздило в первый раз поставить лайк под подобным излиянием – сочувствие проявил, эмпатичный...

Поначалу Лера принимала это его объяснение – с хорошими людьми надо поддерживать хорошие отношения, ясно же. И быть яростной ревнивицей рядом с Олегом вообще невозможно, не выживешь – на нём задерживает свой взгляд каждая вторая. А он вежлив, дружелюбен, находчив – в ответ. В литературных провинциальных кругах много одиноких женщин, экзальтированных поэтесс – и Лере не раз приходилось изумляться их изобретательности – от присланных Олегу на ватсап стихов «на рецензию» (Олег руководил местным ЛитО при библиотеке) с первыми строками «я – та донская кобылица...» и до чьих-то воспоминаний из прошлой жизни, где – ты уж, Лера, прости – ещё в семнадцатом веке они поклялись быть вместе навсегда.

Даже и в этих курьёзных случаях Олег этим женщинам всегда улыбался, подстраивался на их волну и нес полную чушь – чтобы не дай бог не обидеть хорошего (хоть и странного) человека. Очень часто женщины воспринимали это как поощрение, как знак особого расположения – и становились ещё смелее. Лера с Олегом ссорились на тему «ты в ответе за тех, кого приручаешь», в смысле, кого не послал вовремя.

День восьмого марта у Олега всегда начинался одинаково. Сначала он поздравлял, конечно, Леру, а потом, уже после завтрака – открывал записную книжку и начинал методично обзванивать всех знакомых женщин, начиная с буквы А. После этого ехал в город «пройтись по магазинам» – и наносил визиты с букетиками цветов нескольким особо уважаемым особам, для Леры важно было, что их всё же несколько, а не одна. И что потом он возвращался домой – и начинался праздник только для них двоих.

– Будь ты женщиной – ты вечно беременным был бы! – говорила она в сердцах иногда.

Она не верила, что Олег привязан по-настоящему к кому-то из этих женщин – но знала, что из придуманного им представления о долге он способен длить эти спектакли бесконечно, особенно если страдалница одинока и в почтенном возрасте. Да, они часто бывали много старше Олега, эти женщины.

А девочка была много моложе. Когда-то давно Олег был в неё влюблён. Это не стало чем-то большим, девочка была замужем, Олег иногда провожал её после общих каких-то встреч и только. Потом девочка уехала с мужем в другой город. А когда появлялась снова у них, они подолгу гуляли по городу с другими общими знакомыми. Иногда эти встречи проходили без Леры. Обычно она же и говорила Олегу: «Пойди сам, у меня так много дел по вечерам». Ревновать ей почему-то не приходило в голову – Олег ясно сказал, что там всё закончилось, не начавшись, ещё до их с Лерой встречи. И – Лера очень хорошо к этой девочке относилась, доверяла ей больше, чем себе, и ей не хотелось, чтобы та почувствовала себя одинокой в родном городе. Олег ей потом всегда пересказывал, о чём они разговаривали – о литературе, о религии. Никогда – о личной жизни. Да это и бывало не чаще одного раза в год.

А потом разразилась катастрофа.

– Ты чего, солнышко? Колено болит? – Олег подошёл к сидящей на камне Лера. Она обычно быстро выдыхается на подъёме – но здесь же ровное пока что травяное раздолье.

– Нет. Не очень, – сказала она и посмотрела ему в глаза исподлобья – хорошо ему знакомым взглядом.

– Опять! – взмахнул он руками. – Ну сейчас-то – с чего вдруг?

– Не знаю... – она бессильно встала.

– Нет ничего, слышишь? Вообще никаких контактов. А если что-то будет... с её стороны – я сразу тебе скажу!

Это была формула, необходимая ей время от времени. Время от времени Олег ей это повторял.

Они постояли, обнявшись, возле этого ручья. Потом Лера натянула наколенник и решительно направилась вверх по склону. Олег умел гасить вот такие всплески памяти – но не знал, как отменить их навсегда.

Идти вверх легче всего быстро – так меньше устаёшь, и морально тебе радостнее – вон на сколько поднялся! По этой тропе назначать точку следующего привала было легко, потому что она вся сплошь через каждые десять метров была размечена ленточками с символикой Тинькофф-банка – для горного марафона, который тут скоро начнётся. Маршрут длиной пятьдесят два километра проложили по самым красивым местам, а значит, и на Софийское седло (а это и есть тот самый перевальчик, как показала карта Maps.me) приведёт обязательно.

Тяжело дыша и хватаясь иногда руками за стебли, Лера добиралась до намеченного флажка – и обочивалась. Картина становилась всё более полной и величественной, как хорошо, что современные фотоаппараты не требуют плёнки... И день становился ещё прозрачнее, из рассеянной утренней дымки проступили новые хребты, тут нужна уже карта, этот волшебный нейминг имеет в горах особое значение – так радостно знать имена всего, что тебя окружает – от горного хребта до малой травинки... На северо-западе долины реки Софии – Абишира-Ахуба, левее – скалистые вершины Кара-Джап-Кая и Куш-Кая.

Вдоль бурной реки тянулись альпийские луга, на них – миниатюрные коровки... Подходил Олег. Он шёл медленно и размеренно, нёс за плечами все их пожитки. Отдыхал он стоя.

Вскоре они увидели на другой стороне долины – водопады. Собственно, это и есть Софийский ледник, это и есть она, красавица София, одна из двух главных вершин в этих местах. С каждым этапом подъёма она открывалась шире и полнее. Дух захватывало.

Вон у тех кривых берёз, серебристых, растущих дружной семьёй из одного корня, они сделают привал. Надо взглянуть на карту, там две тропы расходятся в разные стороны, и Лера охотней свернула бы на правую, хотя и марафонские флажки, и карта настойчиво рекомендуют ту, что левее – а она выводит прямо на хребет Четет-Чат, вернее, на его отрог, хоть и подбирается к нему слегка нанкоскок.

Ещё несколько марш-бросков – и вот уже Софийский ледник как на ладони, поляны с джипами не видно совсем – но и перевал, к которому они идут – им теперь не виден. А жёлтые флажки зовут ещё пройти по склону вверх – и там откроется, что же таится за хребтом, с другой его стороны.

– Ты чего вдруг вспомнила? – спросил Олег.

Зря спросил. Она только-только отвлеклась.

– Да так. Представила вдруг, что было бы, прояви я тогда характер, восемь лет назад...

– Ничего хорошего не было бы.

– Ты был бы сейчас с ней?

– Да нет же. И в этом случае – всё равно нет. Просто потому, что мне это совсем не нужно и не интересно. Как сейчас, так и тогда было, – голос Олега становился злым.

Тогда было так – Лера уехала из города, а Олег провёл с этой девочкой целый весенний день. Встретились будто бы и правда по делу, а потом просто по-дружески бродили и разговаривали.

И не было бы ничего в этом из ряда вон выходящего, если бы Олег не решил почему-то скрыть от Леры эту их встречу.

Позже он уверял, что не скрывал более ничего и никогда, вот только в этот раз, и то – неудачно.

Всё было бы хорошо, но девочка как раз ничего скрывать не стала. Она в соцсети разместила подробный пересказ всего их маршрута – и выставку современного художника, и парк, и книжный рынок, – с фотографиями их обоих, спровоцировала десятка два шуточных комментариев – дескать, с вами всё ясно, отвечала на них смеющимися смайликами...

Всё это Лера разглядывала невидящим взглядом, слушая Олега по громкой связи:

– Да нет, так куда и не пошёл, весь день дома провёл, а у тебя как дела?..

Наверное, девочка хотела таким образом их поссорить. Что же, ей это удалось. Наверное, она тогда предпринимала ещё нечто подобное, о чём Лера не знала. Письма там, фотографии...

Они помирились тогда. И даже решили вести себя как ни в чём не бывало, не выяснять отношения. Это они оба боялись как огня – каких-то публичных сцен.

– Я не хочу и не буду с ней конкурировать. Она моложе, талантливее, лучше, – повторяла Лера.

– Но я люблю тебя, а не её, – настаивал Олег.

Общие знакомые иногда смотрели на них с лёгким недоумением – вот ведь они всегда вместе, а если послушать ту девочку...

Все трое продолжали мирно общаться в соцсетях, ничего личного.

Через два года на три июньских выходных они собрались на море. И тут Олег, честно выполняя своё обещание рассказывать обо всём, сказал, что получил письмо, девочка придет, предлагает встретиться. Он кратко ответил, что уезжает, в ответ получил обиженное «Понимаю...».

Олег это рассказал огорчённо, он чувствовал себя перед девочкой – виноватым. Парадоксально, что Лера тогда тоже хотела как-то заглядеть тот факт, что вот, раз в году – и то не удалось встретиться.

С другой стороны она осознавала, что даже под пистолетом не стала бы вести себя так назойливо – но кто их знает, возможно, это и значит по представлениям нынешних психологов «бороться за свою любовь».

«Если вы считаете, что добиться взаимности реально, отнеситесь к своим чувствам, как к задаче, которую можно решить. Не замыкайтесь в себе. Вам это поможет отрегулировать эмоции.»

«Очень полезно письменно фиксировать свои проблемы и навязчивые идеи. И не замыкайтесь в себе, расскажите всё близким людям!».

«Открытое признание позволяет отношениям стать взаимными. Даже если ответ нет, то нужно выходить на новый этап и выстраивать другой уровень взаимоотношений, учитывая все прошлые ошибки. Не забудьте похвалить себя за смелость!».

Вот согласно этим премудрым интернет-советам и продолжалась «борьба». Слишком тёплое и двусмысленное обращение к Олегу в соцсетях, невинные просьбы в личку, а потом вместо благодарности признания в любви... Лере он об этом не рассказывал – но сам проникался сочувствием к бедной девочке и позволял ей продолжать в том же духе.

А потом Лера как-то случайно узнавала об этих мелочах. Почти всегда. И это стало просто её кошмаром. Между тем девочка продолжала рассказывать соцсетям о своих сердечных ранах – не называя имён, не вдаваясь в подробности – но по её описаниям выходило, что между ею и её избранником стоит некая непреодолимая мрачная сила, которая мешает им обоим. Комментаторы по-прежнему ей сочувствовали.

Год назад Олег с Лерой прекратили всякое общение с девочкой – после того, как к «борьбе» подключилась и её подруга, и предприимчивость и изобретательность «борьбы» уже даже толерантному Олегу стали казаться слегка за пределами адекватности. Девочка продолжала описывать в соцсетях свои чувства, в полной уверенности, похоже, что страдания безответной любви известны только ей, а прочим смертным недоступны.

Лере эти чувства были ох как хорошо знакомы и понятны – но она бы скорее согласилась умереть, чем сделать их достоянием обществу. Умирала от боли, да. И не раз. Но молча и незаметно для других. И только такое поведение считала нормой.

...Она и не заметила, что уже минут десять излагает всё это Олегу. Дорога выровнялась, дышалка больше не мешала, другая сторона хребта всё ещё была терра инкогнита – тропа пролегла по небольшой полочке и уходила всё выше.

– Зачем ты мне это снова повторяешь? Сколько можно? – гремел на всю округу Олег, в горах хорошая акустика.

Лера знала, что ей давно пора остановиться – а то и поздно уже... Невозможно же испортить привычным сценарием выяснения отношений этот сияющий неповторимый день. Это и правда невероятно глупо – когда весь свет, весь бесконечный твой мир сходится кинем из-за чьего-то упрямства... Но тут же перенастроить свой раздражённый голос ей было сложно.

– И вообще, куда это мы прёмся? Мы же совершенно очевидно свернули не туда, нам гораздо ниже надо было!

– Да ты на карту хоть взгляни, ниже нет ни единой тропы!

Где-то на хребте залаяла собака. Скоро они и увидели небольшого бело-рыжего пса и молодую пару – его хозяев. Продолжая спорить о правильной дороге, приближались к ним, идущим навстречу, потом Олег ускорил шаг, чтобы расспросить ребят.

Рыжий пёс рванул к нему. Пёс слышал раздражённый разговор, низкий и злой голос незнакомца – который сейчас приближается к его хозяевам, а значит, представляет для них опасность... И именно в тот момент, когда девушка, намазывая руку солнцезащитным кремом, одновременно попыталась окликнуть пса «Бодман!» – а потом уже Олегу, успокаивающе:

– Не бойтесь, он не кусается! – Олег опутил хватку пса на своей лодыжке. К счастью, не очень сильно, не до крови, Олег отшвырнул его ногой. Пёс ещё раз издали обиженно облаял Олега, потом побежал к Лере.

– Не бойся! – крикнул ей Олег, – но она и не боялась.

– Хороший собач! – сказала она Бойдману, и тот доверчиво наклонил голову и завилял хвостом. Лера в его представлении была всегда совсем не опасна для хозяев.

А парень уже рассказывал Олегу – что до Софийского седла они дойдут по меткам, и там безумно красиво, а вот к водопадам выйти – не удастся, «там были дожди и дорогу размыло, лучше не рисковать».

Подошедшей Лере парень указал, увидев её наколенник – что надо ходить с трекинговыми палками, для суставов полезнее.

– Вы, наверное, первый раз так высоко в горы поднялись?

Лера вовремя сдержалась, не ответила, что это же детский, по сути, маршрут. В самом деле, в такой сухой и солнечный день, как сегодня – просто невероятной красоты прогулка. Даже на первую категорию не потянет. Хотя – кто знает, что там впереди, конечно...

Но зачем расстраивать парня, который уже возвращается и чувствует себя покорителем вершин? Да ещё и в присутствии его девушки?

Не отвечая на забавный высокомерный вопрос, Лера весело ему объяснила, что палки они оставили дома – мешают. Она и правда альпинистки не любила, всегда ищешь, куда поставить шток – вместо того, чтобы вокруг глядеть во все глаза. А ставить его не глядя – потом обопрёшься и скользишь или падаешь. Иногда в горах палка и правда необходима – но тогда они всегда находили подходящую среди сухих веток, в крайнем случае Олег вырезал ножом необходимый посох из какого-нибудь сучковатого дрючка, ни разу особых проблем пока не возникало.

Глядя вслед встречным путешественникам, Лера отметила привязанные к рюкзакам коврики, пенки-сидушки (а то камней и стволов поваленных вокруг мало), газовую горелку, ещё какие-то лишние предметы, необходимые разве что в трёхдневных переходах...

Олег уже прикидывал, успеют ли они до темноты вернуться назад от седла по той же дороге, раз к водопадам пройти невозможно – но Лера призвала его не очень-то доверять «бывалому» туристу, взглянуть сначала на тропу своими глазами.

И тут им открылась долина слева!

И стало видно и понятно, что идут они по отрогу, а сам хребет Четг-Чат окаймляет мягкие зелёные холмы, тропы, спускающиеся вниз, долина входит огромным клином в поросшие рододендронами склоны.

От рододендронов глаз не оторвать. Лера с Олегом достаточно их видели внизу – и вчера, и позавчера. Но внизу они уже отцвели и привяли – а здесь сияют первозданной хрустальной свежестью, и разрослись везде, где только им позволили другие, более хрупкие альпийские цветики. В основном роскошные их кусты сливались в бело-зелёные ковры – но у самого обрыва справа Лера заметила островок нежно-розовых, направилась к ним, готовя камеру – и остановилась, не в силах ступить по ослепительным незабудкам... Нет, они будут здесь идти только по тропе.

Далеко внизу слева, на склоне отрога, переходящем в террасу, – тёмная рощица каких-то кудрявых кустарников. Или не кустарников? Лере вдруг показалось, что они движутся. Или показалось?

– Это ведь не коровы? – риторически спросила она Олега, глядевшего на эту же рощицу.

– Нет, это, наверное, такие деревца, я их видел, с красно-чёрными листьями... – неуверенно ответил Олег, – и вдруг они выдохнули вместе:

– Овцы!

Да, это была довольно большая отара, и она двигалась – но очень плавно и синхронно, не разбредаясь в стороны, а плывя по яркой зелени курчавым опаловым островом...

Жёлтые флажки уходили между тем всё выше. Но настоящей крутизны тут не было – и останавливались они не для отдыха, а для того, чтобы обратиться в зрение – ведь Софийский ледник поворачивался к ним, как в калейдоскопе, всё новыми своими гранями...

Кто-то придумал из гляциологов, что вся София с этой стороны похожа на трон, на большое кресло – а толща льда, собственно, его «подушка». Местные легенды видят здесь сказочных бородачей (борода-водопад) в белоснежных шапках.

Грохот «бород» доносился к ним через весь цирк, где-то заснеженный – в июле! – а в целом – поlyingший всеми оттенками зелени. О господи, кто придумал искать божественным очертаниям гор земные аналоги? Назвать – значит ограничить, не стоит этого делать – лучше просто замереть и забыть слова.

Тает ледник, с каждым годом всё сильнее тает. В конце позапрошлого века край его свисал с горы на шестьдесят метров! Полноводнее была река София, которую питают почти стометровые теперь «бороды» одноимённой горы. А сейчас ледник съёжился, уютно поместился в горной чаше – каре, открыл сглаженные им когда-то другие такие же кары.

Об имени горы тоже есть несколько версий. Ну нет, не так уж она похожа на купол знаменитого византийского храма, Лере этот вариант кажется слишком книжным. Вот происхождение от родовой абазинской фамилии София выглядит куда органичнее. Отчего бы гордому местному племени и не назвать своим именем гору, а заодно и реку?

А что потепление – так сколько было в веках этих циклов потепления-похолодания, справится София с этой проблемой и без участия человека...

– Надо идти, – озабоченно взглянул на часы Олег.

Надо так надо. Жёлтые флажки зовут.

И едва дошли до следующего – ахнули и замерли. Это был портал. Отсюда, с самой высокой точки отрога – распахнулось. Лера вспомнила утреннее напутствие их водителя – «за перевалом – другие горы...». Вот они – другие горы. Другая страна (возможно, и правда уже Абхазия), другая земля, благословенная... Одна из прекраснейших аббревиатур на земле – ГКХ, Главный Кавказский хребет – он в Лерином сознании был сродни ХТК Баха...

Это было мгновение истинной медитации – настолько неожиданно всё произошло. И первую минуту они не называли открывшийся мир никакими словами – ни пропасть справа, ни снежные строгие скалы до горизонта, ни высланные травами мягкие долины с серебряной рекой внизу...

А потом пришло желание обратиться к ним по именам. Ах, какие сладкие у них имена. Слева – Каракая, справа, за перевалом Бугой-Чат, – Марухбаши, четырёхтысячники оба.

Внизу, под ногами – заповедник, ущелье, долина реки Кизгыч. А за ней вырастает хребет Ужум. Туда, в долину, людям совсем нельзя, там земля туров и других краснокнижных. Но туристов останавливает не столько этот запрет, сколько сложность спуска туда, вниз, в пропасть практически.

Вон там, в верховьях реки, где темнеют пихты со сбитыми набок макушками – урочище Бугой-Чат и скала Тубетейка (похожа по форме).

На карте этот их портал обозначен как «смотровая площадка»...

Что же, теперь надо пробираться вниз и вправо – к водопадам. Ничего сложного или невозможного они тут не увидели, вопреки предупреждениям встречных путников. Тропки сухие, хоть и круговаты.

В таком месте очень важно иметь обувь с хорошим сцеплением, и Лерины прошедшие уже сотню миль New Balance, купленные когда-то в секунде, не подкачали. Отечественные кроссовки Олега слегка надорвались, особенно левая, но в целом тоже устояли.

Спустившись (местами на четвереньках) на более-менее устойчивый пяточок, они осмотрелись. Жёлтых флажков больше не было. Жёлтые флажки уходили дальше по хребту, огибали «скалу беспалого охотника» Топал-Кая, уводили к Софийским озёрам. Туда побегут завтра десятки выносливых фанатиков, уже съехавшихся в Архыз со всей страны. Вчера в аптеке девушка с парнем покупали гематоген и витамин С – в надежде, что этот несложный допинг поможет в забеге. Оказывается, выбегают они ночью, в горах светят только звёзды, на лбу у каждого атлета – фонарик.

В хычинной один из спортсменов весело рассказывал о своей вчерашней ночной же тренировке:

– Там под ногами глина мокрая, я поскользнулся, въехал в дерево головой. Потом сижу под этим деревом, и не понимаю – то ли фонарик потерял, то ли – сознание...

Огромная снежная поляна расстилалась чуть ниже, метрах в двадцати. Идти прямо по ней не очень хотелось – хотя на ней было много человеческих следов, полуметровый снег держит, похоже, не проваливается. Но можно ведь пройти по кромке этого снежника – там, где он упирается в откос? Попытаться стоит.

И вскоре Олег и Лера уже довольно уверенно топали по некоему подобию тропки вдоль снежной поляны. Лера даже оставила на видном месте припасённую ей Олегом палку – пригодится тем, кто идёт вверх.

На камнях вдоль тропки внезапно появились синие метки. Надо же, они вышли на размеченный маршрут! Когда ж его размечали, тоже «при коммунистах»? В девяностые здесь туризма вообще не было, говорят, только в десятые – возродился. Этому способствовало и то, что начало пограничной (с Абхазией) зоны перенесли с долины на хребет, проще стало с документами.

Любой турист знает и любит эти скромные синие или красные метки на камнях, они порою, когда уже безнадежно заблудишься, прекраснее любого цветка. И какую же благодарность испытываешь к неведомому человеку, проторившему тебе путь с кистью и ведёрком краски в руке... Лера и сама мечтала иногда о такой работе.

Они топали по сияющей долине вдоль подножия того же отрога, и сами себе не верили, что вот только что были вон та-ам, наверху, где и сейчас движутся чьи-то неразличимые почти фигурки с трекинговыми палками...

Вдруг Олег, идущий впереди, засмеялся. Синие метки на камнях решительно свернули влево, к водопадам – и исчезли под снежным языком. И они был правы, пожалуй. Дальше как раз начинался довольно глубокий расширяющийся книзу овраг, через который им будет не перебраться. Уж если сворачивать к крайнему водопаду – так прямо сейчас.

Снежник стекал в долину под углом в двадцать-тридцать градусов. За кромкой снега – они это видели – начиналась тропинка наверх. Олегу и Лере оставалось только соединить отрезком эти две точки.

Главное – не поскользнуться и не съехать вниз. Держи, подтаявший снежок! Стараясь ставить стопу с подвывертом влево, Олег торил тропу. Лера топала сзади, старательно ставила свои нью-белансы прямо в его следы.

Минут через двадцать они уже хохотали на твёрдой земле. Теперь им предстояло штурмовать поросшие рододендронами скалы. Но тут уж карабкаться по камням им помогут снова вынырнувшие из-под снега синие метки.

И здесь, на морене, они следовали меткам очень внимательно. Иначе пришлось бы двигаться вверх в три раза дольше, проверяя на устойчивость каждый камень.

Под солнечной скалой остановились передохнуть. Лера фотографировала рододендроны – и ещё раз запечатлела профиль Олега на фоне этой скалы. Потом ещё и ещё – заходя с разных сторон. Он был удивительно органичен в этих местах, с римским своим профилем. Лера улыбнулась, представив – как было бы естественно, обратиться он сейчас к ней на латыни...

Синие метки показывали, что лезть под самые струи водопада им не следует. Но тут уж Лера позволила себе не согласиться! На то они и водопады – чтобы рядом с ними все сходили с ума, заряжались энергией до отказа, заражались манией величия и подсаживались на мощнейший наркотик красоты, не в силах с ней расстаться, не прекращая смешных попыток законсервировать её на фото и видео...

Олег снимал десятое видео за день, потом – Леру на фоне потоков, потом она заставила его встать под брызги, потом они делали там селфи... Потом они вдруг поняли, что очень замёрзли, а тень от Софии легла уже до середины потоков, и они пошли вниз отыскивать синие метки.

Нашли, ага. Последний из крапешных камушков был у самой бровки бурлящей стремительной реки, несущейся в Софию от водопада. Перейти реку в этом месте было немислимо. С той стороны потока синих камней больше не было, этот был последним – как в том анекдоте, где внутренний голос говорит: «Ой, что сейчас будет!».

Зато был чуть ниже, уже на солнце, широченный плоский валун, где можно и поесть, и обогреться – и всё это с видом на Софийскую долину!

Они позволили себе эту роскошь. Солнце ещё довольно высоко, они в графике. И ничего нет вкуснее местного сыра и густого айрана.

Оттуда, с камня, Лера заприметила ниже по течению эту рейку – кто-то явно переходил с нею реки, идя им навстречу, и оставил здесь – поскольку эта река была для него последним водным препятствием. И это был знак. Убрав в рюкзак остатки провизии, они спустились к рейке.

– Разуваемся! – скомандовал Олег.

– Нас тут не смоеет? – Лера неуверенно глядела на нештучную речку.

– Смыть-то не смоеет, но кроссовки снимать не будем, пожалуй... – постановил Олег.

Он прошёл первым, потом перебросил палку Лере через поток. Она доверчиво ступила в воду, не такую холодную даже, как можно было ожидать. Да, босиком здесь было бы больно ступать.

Потом они выливали воду из кроссовок – и совершенно зря, потому что им пришлось переходить потоки ещё трижды, а между ними струились боковые разные ручейки, и Олег шагал уже, не глядя, прямо по их руслу. Вскоре они спустились по обнаруженной Олегом на карте тропе – и перешли вброд уже саму Софию.

И вот тут Лера пошла босиком – по мягчайшей и нежнейшей траве, под нежнейшим архызским предвечерним солнышком, любуясь безотрывно на водопады...

Пока не наступила на колючий татарник. И от этого дзен-пробуждения, от смешной боли и радости, от пьянящего воздуха и от полнокровия этого дня – она вдруг поняла. Заглянула в немислимо яркие сейчас глаза Олега, длинные, смеющиеся, любимые – и сказала в ответ на его вопросительный взгляд:

– Никогда больше. Ты слышишь, никогда.

Тропа впереди была ещё довольно длинной, но удобной и безальтернативной, они по ней не шли, а плавали, или летели...

Хорошо, что людям не дано знать заранее, как порою бывает коротко их «никогда».

Олег умер через два месяца от второго инфаркта (первый был семь лет назад), подкравшегося незаметно и бессимптомно, во время нового их путешествия. Последнее, что видел он в этом мире – обе сияющие шапки Казбека, прекрасно открытые в прозрачном сентябрьском воздухе, пологий склон Столовой горы под ногами, а далеко внизу – солнечная долина, прямо из его же стихотворения...